

УДК 82-311.6.09

МУСТАФАЄВА Парвана – дисертант, Інститут літератури ім. Нізамі Гянджеві
Нана (Азербайджан, Баку) (matlabm@yandex.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5211-8359>

DOI: <https://doi.org/10.24919/2522-4557.2019.44.187343>

Бібліографічний опис статті: Мустафаєва, П. (2019). Вопросы искажения фактов в описании реальности в историческом романе. *Проблеми гуманітарних наук: збірник наукових праць Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія «Філологія», 44, 60–68.* doi: 10.24919/2522-4557.2019.44.187343.

ВОПРОСЫ ИСКАЖЕНИЯ ФАКТОВ В ОПИСАНИИ РЕАЛЬНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

ПИТАННЯ СПОТВОРЕННЯ ФАКТІВ У ОПИСІ РЕАЛЬНОСТІ В ІСТОРИЧНОМУ РОМАНІ

Анотація. У статті йдеться про проблему спотворення фактів у художній реальності історичних романів 30–50-их років ХХ ст. Засвідчено, що основна причина її постання – змалювання подій головно з ідеологічних позицій. Стверджено, що в багатьох художніх текстах на історичну тематику цього періоду не дотримано принципів історичної правди, попри наявність таких, де історичні події й постаті зображено зі збереженням духу й звичаїв епохи. Наголошено, що романи «Египтянин», «Зірки над Самаркандом», «Дмитро Донський» привертають увагу як кращі взірці цього жанру. Їхній автор – видатний представник російської літератури радянської доби Сергій Бородин. Зазначено, що романи «Египтянин», «Дмитро Донський» створено з урахуванням духу епохи, закономірностей розвитку подій, хронологічного принципу, що не так послідовно простежується в романі «Зірки над Самаркандом». І це попри те, що в художньому тексті на історичну тематику факти історії, з одного боку, та створені уявою письменника події й образи, з другого, мають взаємодіяти в такий спосіб, щоб не допустити спотворення історичної реальності. Наголошено, що твір «Зірки над Самаркандом» – трилогія. Її частини – романи «Кривий Тимур», «Багаття походу», «Блискавичний Баязет». Вони розповідають про засновника династії Тимуридів Тамерлана, зокрема, про останній його похід – проти турецького султана Баязета. Увагу у статті зосереджено на романі «Багаття походу» й на боротьбі все ще не скорених, хоч завойованих Тимуром більш як десятиліття до того вірмен. У ньому, на думку авторки, не вповні об'єктивно представлено окремі факти й постаті через обмеженість джерельної бази: Сергій Бородин, зображуючи похід землями Вірменії, спирався в основному на свідчення ученого монаха (вардапета) Фоми Мацопського, викладені ним у його «Історії Тимур-Ланка та його наступників».

Ключові слова: російська література; роман; історична правда; художня реальність; С. Бородин.

MUSTAFAEVA Parvana – PhD, Institute of Literature named after Nizami Ganjavi ANAS (Azerbaijan, Baku) (matlabm@yandex.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5211-8359>

DOI: <https://doi.org/10.24919/2522-4557.2019.44.187343>

To cite this article: Mustafaeva, P. (2019). Voprosy iskazheniia faktov v opisanii realnosti v istoricheskom romane [The questions of distortion of facts in description of reality in a historical novel]. *Problemy humanitarnykh nauk: zbirnyk naukovykh prats Drohobytskoho derzhavnogo pedahohichnogo universytetu imeni Ivana Franka. Seriiia «Filolohiia» – Problems of Humanities. «Philology» Series: a collection of scientific articles of the Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University*, 44, 60–68. doi: 10.24919/2522-4557.2019.44.187343 [in Russian].

THE QUESTIONS OF DISTORTION OF FACTS IN DESCRIPTION OF REALITY IN A HISTORICAL NOVEL

Summary. *The article explores the problems of describing artistic reality with historical reality in Russian historical novels of the 1930–50s. One of the main reasons for this was the approach to events schematically, from an ideological point of view. It is shown that in some historical novels of this period this principle was observed; but in many works distortions of historical events and personalities took place. The historical novels «Egyptian», «Stars over Samarkand», «Dmitry Donskoy» by one of the prominent representatives of Russian literature – Sergei Borodin, attract attention as the first best examples of this genre in Soviet times. If the novels of the writer «Egyptian», «Dmitry Donskoy» took into account the spirit of the era, trends, historical chronological principle, then in some places of the historical novel «Stars over Samarkand» this principle was not observed. In a work of art, historical and artistic truth must be combined in such a way that the writer should not distort the essence of the event.*

*S. Borodin's «Stars over Samarkand» is a trilogy. The first book is *Lame Timur*, the second novel – *Campfire Bonfires*, and the third one was *Lightning Bayazet*. It is clear that the novel was devoted to historical figures and events that were not covered properly in the Soviet era as historical figures and events. Here, both historical events and historical figures must be evaluated in such a way that there is no distortion of the truth. In the trilogy of S. Borodin, this was observed to a certain extent; here, in addition to historical facts, artistic imagination is also present. This is completely natural, because the writer is not a historian to describe him as he was. The writer must first describe the spirit of the era with all its liveliness. This aspect in one sense or another has been observed in the trilogy. For example, there is information in various historical sources about Timur's attention to traders, the continuation of trade even during the war, and the openness of roads for its development. In the novel «Stars over Samarkand» there are pages, even chapters on Timur's support for trade. When writing these pages, the writer relied on historical realities. For example, after Timur's campaign in India, learning about what trophies market traders return to, he writes that they will earn money here: «India! In the market ranks they talked anxiously about goods brought from there. To find out what to bring from or send there, they sent a detective to the experts».*

Therefore, the writer should not only study the historical events of this period well but also be objective about them.

Keywords: *Russian literature; novel; historical truth; artistic reality; S. Borodin.*

Введение. Начиная с 20-х годов XX века в русской литературе возрос интерес к исторической проблематике. Он обусловлен такими двумя причинами: во-первых, сам жанр вступил в очередную фазу развития; во-вторых, из-за сильного идеологического пресса писатели избегали современных им тем, уделяя внимание большей частью историческим событиям и личностям. Однако не все вышедшие в то время произведения излагали их подлинно. К примеру, очерки, являющиеся гибким жанром идеологии, отмечались высокой тенденциозностью в освещении истории. Также произведения Евгения Замятина «Три дня», Ал. Алтаева и Ар. Феличе «От цепей к славе: картины из жизни артиста М.С. Щепкина», Леонида Гроссмана «Вторник у Каролины Павловой», Ивана Шмелева «Неупиваемая Чаша» и др. не стали основополагающими в представлении исторической действительности, прежде всего из-за трактовки событий с идеологических позиций. И напротив, в произведениях Ольги Форш «Одеты камнем» и «Радищев», Юрия Тынянова «Кюхля» и «Пушкин», Алексея Чапыгина «Разин Степан», Сергея Злобина «Салават Юлаев», Георгия Шторма «Повесть о Болотникове», Алексея Толстого «Петр I», Алексея Новикова-Прибоя «Цусима», Сергея Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», Вячеслава Шишкова «Емельян Пугачев», Василия Яна «Чингиз-хан», Сергея Бородина «Дмитрий Донской», И. Шишкевича «Иван Болотников», Анны Караваевой «Золотой клюв», В. Залежского «Восемь побегов – двенадцать арестов», Ал. Алтаева «Стенькина Вольница» и др. проблема соотношения художественного вымысла и исторической правды была решена в основном положительно.

Степень изученности проблемы. В художественном произведении историческая и художественная правды должны быть уравновешены. Поэтому писатель должен не только хорошо изучить документы, содержащие сведения об изображаемом им историческом событии, но и быть объективным по отношению к ним. Это важнейшее условие было в той или иной степени учтено в исторических романах Алексея Толстого «Петр I», Алексея Чапыгина «Разин Степан», Юрия Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», Ольги Форш «Современники» и др.: в них художественная и историческая реальности не противоречили друг другу.

В 1936–1941 годах внимание русских и многих национальных писателей было сосредоточено на истории народов Средней Азии. Создавались произведения, повествующие о монголо-татарской эпохе. Среди них – романы Сергея Хмельницкого «Каменный щит», Владимира Аристова «Смоленск», Валентина Костылева «Козьма Минин», Сергея Бородина «Дмитрий Донской», Василия Яна «Огни на курганах» и «Чингиз-хан», каждый со своей идеей и финальным содержанием. В них исторические личности представлены на

фоне масштабных исторических событий. Понятно, что каждый из авторов, приступая к написанию своего произведения, должен был предварительно определиться касательно трех часто дискутируемых в среде историков, литературоведов, писателей вопросов: *Как реальная история должна быть представлена в произведении? Как она должна соотноситься с художественным вымыслом? Допустимо ли в тексте художественного произведения искажение исторических фактов?*

Известно, что исторический роман – это не простая констатация фактов прошлого: в нем авторскому воображению и творческому вымыслу принадлежат ведущие роли. Причем важно такое их (исторической правды и творческого вымысла) соотношение, чтобы пропорции были соблюдены. Н.А. Добролюбов по этому поводу писал: «Эти два требования необходимо объединить, включить выдумку в историю таким образом, чтобы она основывалась на истории, крепкими узами связывалась с историческим рассказом; они должны быть представлены так, чтобы читатель мог видеть живых личностей, известных ему из истории, личная жизнь, внутренние духовные мысли и желания которых описаны в произведении с очаровательностью поэзии. Это и является задачей исторического романа» (Добролюбов, 1934, с. 530). Автор многих исторических романов Александр Чаковский, говоря об удельном весе и функциональности выдумки в историческом произведении, утверждал: «Писатель при выборе исторических фактов должен исходить из понятия исторической закономерности и из принятия того, что все, созданное профессиональной фантазией, не должно искажать сущности исторической истины» (Чаковский, 1978, с. 351). Как видим, главным теоретики считают сбережение в исторических произведениях принципов исторической правды, соблюдение надлежащего соотношения исторических фактов и авторской выдумки.

Изложение основного материала. Исторические романы «Египтянин», «Звезды над Самаркандом», «Дмитрий Донской» выдающегося представителя русской литературы Сергея Бородина привлекают внимание как первые лучшие образцы этого жанра в советское время. Если в произведениях писателя «Египтянин», «Дмитрий Донской» был учтен дух эпохи, тенденции развития событий, хронологический принцип, то относительно романа «Звезды над Самаркандом» это в полной мере утверждать сложно.

Известно, что С. Бородин под названием «Звезды над Самаркандом» написал трилогию. Первая ее книга – это роман «Хромой Тимур», вторая – «Костры похода», а третья – «Молниеносный Баязет». Из их названий следует, что они посвящены важнейшим историческим личностям и событиям, хотя такими в советское время не считались.

Для художественного произведения важно, чтобы оба они (событие и личность) были представлены правильно, без искажений. В трилогии С. Бородин это условие в основном соблюдено: в ней присутствуют и историческая правда, и художественный вымысел, зачастую не противореча друг другу. И чего-то удивительного или чрезвычайного в этом нет: писатель не хронограф,

чтобы фиксировать события и факты в строгом соответствии тому, как они свершались. Он лишь должен воспроизвести дух и нравы эпохи, события, принадлежащие ей, со всей их живостью. Это требование большей частью соблюдено в трилогии. Подтвердим сказанное таким примером.

Многие исторические источники информируют о внимании Тимура к торговле, понимании им как важности ее развития даже во время войны, так и необходимости создания условий для ее развертывания, ср., например, фрагмент из письма Эмира Тимура к Генуйскому правителю, которое наводит венгерский востоковед Герман Вамбери в книге «Эмир Тимур»: «Мы и в будущем готовы с уважением и добродушием принимать ваших торговцев на наших землях, как это делаете вы. Никто не может давить на них, брать с них деньги больше намеченного, потому что именно они благоустраивают наш мир» (Vamberi, 1991, s. 385). Этот исследователь пишет также о преимуществе торговых отношений в политике завоевателя: «Эти товары и продукты, которые можно было приобрести в различных точках самаркандского рынка, упаковывались и по двум большим путям направлялись в крупные города Западной Азии и Европы. Первый путь проходил через Хорезм, Астарабад, Нижгород, Москву, ввозимые товары отправлялись в торговые ряды, а второй – через Герат, Газвин, Тебриз, Трабзон, где привезенные товары погружались на генуйские, венецианские и византийские корабли и отправлялись в Европу. Несмотря на угрозу войны, торговые дела шли бойко во всех местах, где было влияние Тимура» (Vamberi, 1991, s. 53–54). Соответственно в трилогии «Звезды над Самаркандом» имеются страницы, даже целые главы о поддержке Тимуром торговли, созданные с опорой на исторические факты. Возьмем, к примеру, один из начальных фрагментов романа, повествующий о событиях, последующих за походом Тимура в Индию:

Индия!

В рядах тревожно гадали о товарах, какие оттуда придут. Засылали соглядатаев к знающим людям выведать, что везут оттуда, что понадобится туда. Держали наготове деньги, чтобы скупить по дешевке даровую добычу из рук счастливых, придержать ее, выждать время и не торопясь, помаленьку сбыть по настоящей цене.

<...> Больших сделок никто не совершал: Индия! (Vorodin, 1962a, s. 28).

Однако в некоторых частях романа писатель отступает от исторической правды. Это обусловлено не так предвзятостью его взгляда на прошлое, как ограниченностью той исторической базы, которую избрал за основу в освещении изображаемых им событий. Вот один из эпизодов романа, повествующий о разговоре приближенного к Тимуру армянского купца Геворка Пушка с проезжими земляками в одном из постоялых домов Золотой Орды:

Столь же недоверчиво спросил и Мкртич:

– Это у Тимура-то армянский дом крепок?

– А что?

– Вы не слыхали, что ль, каков он с армянами?

– *Когда это было! Более десяти лет прошло. Да и тогда в Самарканде он армян не трогал* (Vorodin, 1962b, s. 323).

Образ армянского торговца Геворка Пушка, которому, как и образу Тимура, отведено главное место в сюжетной линии романа, – плод авторской выдумки. Это уж воля автора – делать его центральным в романе, повествуя о покровительстве Тимура, о поездках в дальние страны в качестве купца, о всем тех приключениях, которые случились с ним в пути. Это касается и других событий, созданных творческим воображением писателя. Они призваны восполнить информационные пробелы, обеспечить связность и целостность текстовой структуры.

Не совсем понятно, почему образ Геворка Пушка именно в таком качестве был включен в роман. Может быть, писатель хотел показать, что Тимур хорошо относился к самаркандским армянам. Из текста романа следует, что Геворк Пушок не знал о том, как его господин расправляется с его соотечественниками, ничего не ведал о настоящей трагедии Армении (разрушение домов, церквей, уничтожение собратьев, убийства священников), не подозревал о ее сопротивлении, более того, даже сомневался в его истинности. Такой вывод делаем, судя по реакции Геворка Пушка на прочитанное ему письмо-обращение Мецопского священника Фомы к народу:

– *Вам, народ айказян, армяне! Слушайте!*

Где бы ни были вы, слушайте!

Великое зло сотворено на земле нашей! Горе нам!

Безжалостный, бессовестный, свирепый, преисполненный ярости, слуга дьявола появился с востока, из города Самарканда, главарь разбойников, коновод убийц. Имя ему Тимур-Ланк!

<...> *О армяне! Помощи, помощи ждем от вас!* (Vorodin, 1962b, s. 325–326).

Пушок уверен, что проезжие земляки используют это письмо, как инструмент пропаганды, чтоб побольше собрать денег, не верит их «стенаниям». Ведь Эмир Тимур с симпатией относится к армянам, создает условия для их свободной торговли. Это Пушок видел и знает, в этом лично убедился.

Но Тимур пришел на армянскую землю (и не только на нее) истинно как завоеватель. Поэтому борьба против него занимает важное место в романе. Третья часть книги «Костры похода» под названием «Камни Армении» («Сарай», «Книги» и «Арзурум») посвящена Армении, ее сопротивлению против вторжения Тимура. Изображая Армению, автор подчеркивает своеобразие этой земли и негибимость, стойкость ее народа: *Издали эти храмы, монастыри, руины кажутся отрогами скал, лишь подправленных рукой человека. Есть храмы и монастыри, изваянные кайлом зодчего, словно резцом скульптора, из единой скалы, где внутри – не щели, не пещеры, но алтари, приделы, трапезные, тайники ризниц, кельи – все высечено из одного камня.* <...> *Несговорчивый народ, жесткий, как жестка здесь сама земля, неподатливая пахарю.* <...> *Даже виноград хрустит на зубах, всякую виноградину приходится разгрызать,*

как хряц. Всякий армянин противится воле чужеземца. Каждый мирный храм, едва к нему приблизишься, оказывается крепостью с неодолимой толщью стен, узкими бойницами и стойкими бойцами за решетками бойниц (Vorodin, 1962b, s. 336).

С. Бородин повествует о том, что армяне занимались торговлей с давних времен, настаивает на их щедрости и гостеприимстве, подчеркивая всякий раз, что когда на эту землю «приходили с тростью, а не копьем», как Тимур, все в ней расточало спокойствие и благодущие (Vorodin, 1962b, s. 336). Автор изображает армянских крестьян людьми скромными в быту и предусмотрительными: строили дома приземистые, под земляной кровлей, чтоб завистливые пришельцы не сразу могли их разглядеть. Но они также воины, готовые в любую минуту дать отпор врагу: *И прежде чем взяться за рукоять сохи, по рукоять засовывают нож за пояс, выходя из дому; в поле идут бороздою за сохой, готовые с пашии выйти против врага* (Vorodin, 1962b, s. 337).

Армянский народ в изображении С. Бородина – трудолюбивый, пахарь, превративший каменную почву в поля, на которых произрастают «райские сады, багряные розы и плодоносные виноградники». Как видим, описания писателя общие, он говорит и хвалит всю нацию и страну, не говоря о конкретном месте и времени. То, что армия Тимура двигалась между «армянскими холмами» над «каменистой почвой», не что иное, как общие слова. Используя слова «Армения», «древний», писатель акцентирует на древности этих мест, а людей преподносит как храбрецов, борющихся за каждую пядь земли. И вкладывает в уста Тимура сравнение их земли с Азербайджаном:

Тимур косился на черного льва ... (имеется ввиду Арарат; уточнение наше – П. М.)

Здесь все было иным, чем в Азербайджане.

Здесь не набрасывались на завоевателей врасплох, на стоянках, из неприметных расселин. Здесь закрывались в осаду, и каждую скалу, каждую башню, каждый храм приходилось брать приступом, терпя потери, как при взятии крепости (Vorodin, 1962b, s. 338).

Часть страниц романа С. Бородин посвящает мужеству защитников Бардога. Он показывает, что Тимур не может покорить армян, взобравшихся на вершину этой неприступной горы. И даже хитростью (с помощью собратьев-предателей) одолеть их не может. Наоборот, подосланный к ним шпион переходит на сторону соплеменников. Многие дни и ночи противостояли армяне многотысячному войску и не отступали. Тимуру ж нельзя было увязать надолго в одном месте, ведь его главными тактическими приемами были скорость и внезапность, а стратегической целью – сокрушение турецкого султана Баязета и завоевание богатств его земли.

В надежде взять армян измором, Тимур оставил у горы несколько сотен своих воинов. Но они тоже не смогли одолеть защитников и вынуждены были снять облогу. И вот те непобежденными спускаются вниз, причем вместе с

книгами, которые перед этим поднимали на вершину как наиценнейшее национальное достояние. С. Бородин так описывает эту величественную сцену:

Они шли, подняв на плечах носилки, накрытые златотканой парчой, словно несли своего царя или мудрого пастыря, главу своего народа.

Они ушли в уединенный, укромный Мецопский монастырь, и монах написал там вечные слова об их подвиге на память будущим временам.

Автор повествует о ней, ссылаясь на книгу ученого монаха (вардапета) Фомы Мецопского «История Тимур-Ланка и его преемников». Более того, о всех событиях армянской истории той поры он судит сквозь призму изложенного в ней. С. Бородин не заметил в ней отступлений от исторической правды, поверил общему содержанию книги, поэтому части про армян, Кавказ и Турцию написаны под сильнейшим ее влиянием, от которого автор так и не смог освободиться. Подтверждение сказанному находим в разных частях романа.

С. Бородин, как нам кажется, предвзято описывает сражения Тимура и также предвзято рисует его портрет, нарушая, таким образом, один из главнейших принципов, обеспечивающих успех исторического романа, – принцип верности исторической правде. Давая оценку политике Тимура, его сражениям, писатель смотрит на них с позиции армян, узко и некритически. А ведь многие факты, приводимые Ф. Мецопским и автором, ссылающимся на него, другими историческими источниками не подтверждены. Если бы писатель был знаком с книгой Германа Вамбера «Эмир Тимур», то события в романе, возможно, получили бы совсем иное развитие.

Опыт исторического романа показывает, что писатель, изучивший различные источники, превративший изложенные в них события в художественную фактуру, подошедший к ним с позиций объективности, обезопасит себя от предвзятых суждений и каких бы то ни было неточностей. И хотя во многих главах романа С. Бородин сохранил верность принципам исторической правды, он все же не учел до конца закономерностей исторического развития и в некоторых моментах допустил идеологические искривления.

Последние страницы романа тоже не свободны от ошибок: здесь наведены ничем не обоснованные факты, некорректно представлены исторические события и личности. А еще неоправданное перемещение событий во времени и пространстве. Один из исследователей творчества С. Бородина В. Акимов, поверив в книжный миф писателя об армянах, отмечая его фанатичность, сказал: «С. Бородин в молодости бывал в Армении, в Метедеране, «где собраны все армянские книги, спасенные предками в темные прошлые века». С жадным интересом глядел он на окаменевшую книгу и фантазия художника домыслила историю ее спасения. Так «родился» Мартирос, человек из народа» (Акимов, 1972, с. 121).

Выводы. Как следует из изложенного, писатель при написании исторического романа должен опираться на разные источники, отражающие крайне противоположные взгляды. Автор не может быть предвзятым в освещении истории или отдельной личности, не может излагать исторические факты с

отступлением от правды. Наоборот, он вправе только оживлять события и факты, зафиксированные летописцами и авторами тезкире, т. е. библиографических словарей или библиографических сборников. Только так можно непредвзято оценить прошлые события и участвующие в них личности.

Литература

- Акимов, В.** (1972). *Творчество Сергея Бородина* (с. 130). Ташкент.
- Добролюбов, Н.А.** (1934). О русском историческом романе. В П.И. Лебедев-Полянский (Ред.), *Полное собрание сочинений* (Т. 1–6; Т. 1: М-Л), (с. 528–534). Москва; Ленинград: ГИХЛ.
- Чаковский, А.В.** (1978). *Проблемы художественного изображения революции в литературе* (с. 341–354). Москва: «Советский писатель».
- Borodin, S.** (1962a). *Səmərqəndin ulduzları. Topal Teymur* (birinci kitab). Bakı: «Azərbaycan Uşaq və Gənclər Ədəbiyyatı nəşriyyatı».
- Borodin, S.** (1962b). *Səmərqəndin ulduzları. Yürüş tonqalları* (ikinci kitab). Bakı: «Azərbaycan Uşaq və Gənclər Ədəbiyyatı nəşriyyatı».
- Metsopski, F.** (1957). *Teymurləngin tarixi*. Bakı: «Elmlər Akademiyası nəşriyyatı».
- Vamberi, G.** (1991). *Əmir Teymur*. Bakı: «Azərbaycan Dövlət kitab palatası».

References

- Akimov, V.** (1972). *Tvorchestvo Sergeia Borodyna [The work of Sergei Borodin]*. (p. 130). Tashkent [in Russian].
- Dobroliubov, N.A.** (1934). O russkom istoricheskim romane [About the Russian historical novel]. In P.I. Lebedev-Polianskii (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii – Complete works* (Vols. 1–6; Vol. 1: M-L), (pp. 528–534). Moskva; Leningrad: GIKhL [in Russian].
- Chakovskii, A.V.** (1978). *Problemy khudozhestvennogo izobrazheniia revoliutcii v literature [Problems of the artistic image of the revolution in literature]*. (pp. 341–354). Moskva: «Sovetskii pisatel» [in Russian].
- Borodin, S.** (1962a). *Səmərqəndin ulduzları. Topal Teymur [The stars of Samarkand. Topal Teymur]*. (Vol. 1). Bakı: «Azərbaycan Uşaq və Gənclər Ədəbiyyatı nəşriyyatı» [in Azerbaijani].
- Borodin, S.** (1962b). *Səmərqəndin ulduzları. Yürüş tonqalları [The stars of Samarkand. Walking Tanks]*. (Vol. 2). Bakı: «Azərbaycan Uşaq və Gənclər Ədəbiyyatı nəşriyyatı» [in Azerbaijani].
- Metsopski, F.** (1957). *Teymurləngin tarixi [History]*. Bakı: «Elmlər Akademiyası nəşriyyatı» [in Azerbaijani].
- Vamberi, G.** (1991). *Əmir Teymur [Amir Teymur]*. Bakı: «Azərbaycan Dövlət kitab palatası» [in Azerbaijani].

Стаття надійшла до редакції 19.11.2019 р.